

Н. В. Жарко

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук*

Л. В. Новикова

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера должна осуществляться в строгом соблюдении законности, прав, свобод и интересов лиц, страдающих психическими расстройствами. Более того, законодатель к лицу, которому судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, должен проявлять особое внимание, поскольку данная специальная категория участников уголовного судопроизводства зачастую из-за своего психического состояния не может лично защищать свои права и отстаивать свои интересы. Именно поэтому сфера процессуальных прав и интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, требует теоретического осмысления с целью выявления существующих проблем ее законодательного регулирования и выработке предложений для их решения [1, с. 4]. Ведь точность, полнота, структурированность и непротиворечивость уголовно-процессуальных норм, закрепляющих правовой статус указанных лиц, и есть гарантия обеспечения их прав, свобод и интересов.

В этой связи представляется необходимым заострить внимание на некоторых проблемных вопросах нормативного правового регулирования [2, с. 139] рассматриваемой сферы правоотношений, которые, на наш взгляд, не достаточно разрешены в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Бесспорно, что размещение норм, регулирующих порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяет говорить о лице, в отношении которого данное производство осуществляется, как о полноправном

участнике уголовного судопроизводства. Вместе с тем законодатель ставит данное утверждение под сомнение, не закрепляя в разделе II Уголовно-процессуального кодекса РФ «Участники уголовного судопроизводства» совокупность норм о данном лице и его правовом статусе. Кроме того, в законе не дается четких предписаний о том, как этот участник уголовного процесса должен однозначно именоваться. Так, ч. 1 ст. 433 УПК РФ перечисляет категории лиц, которым могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, называя их: лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости; лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Далее, в названии ст. 437 УПК РФ, в ч. 3 ст. 439 УПК РФ законодатель объединяет эти две категории одним понятием — «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера» [2, с. 221].

Именно поэтому на протяжении многих лет ученые-процессуалисты в своих научных изысканиях пытаются сформулировать однозначное понятие исследуемого участника уголовного судопроизводства. В частности, П. А. Колмаков предлагает называть данного участника как «лицо, нуждающееся в применении принудительных мер медицинского характера» [4, с. 32].

Т. А. Михайлова считает, что правильным было бы определить его как «лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера» [5, с. 32]. Позиция В. В. Николука, В. В. Кальницкого аналогична сформулированной законодателем в ст. 437, 439 и, думается, абсолютно правильна, поскольку отражает специфику процессуального положения исследуемого субъекта и особого порядка уголовного судопроизводства.

Представляется, что для окончательного разрешения обозначенных проблем необходимо размещение отдельной статьи в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», закрепляющей четкое наименование, понятие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера в качестве участника уголовного судопроизводства и определяющей его правовой статус. Последнее позволит детально и нормативно урегулировать и конкретизировать права лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а не руководствоваться правами подозреваемого и обвиняемого, закрепленными в ст. 46 и 47 УПК РФ.

В рамках исследуемой проблемы особую актуальность приобретает вопрос о моменте обязательного допуска защитника к участию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Казалось бы, ст. 438 УПК РФ, содержащая положение о том, что защитник обязательно участвует в производстве с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, разрешает обозначенную проблему. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке продолжают обосновывать иные воззрения на указанную проблему, по мнению авторов, направленные на усовершенствование законодательства и повышение гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Одни ученые утверждают, что невменяемому лицу не предъявляется обвинение и, соответственно, при отсутствии обвинения в совершении деяния защита становится беспредметной. Данная позиция, на наш взгляд, является несостоятельной, поскольку предмет защиты — это не только защита от предъявленного обвинения, но и действия защитника, направленные на обеспечение всех субъективных прав и законных интересов «специфического подзащитного» — лица, страдающего психическим расстройством, не всегда способным самостоятельно защищать свои права и интересы.

Вторые усматривают необходимость обязательного участия защитника только после производства судебно-психиатрической экспертизы, то есть после получения заключения и его оценки [6, с. 36; 7, с. 43]. Несомненно, данная точка зрения имеет право на существование, но на наш взгляд, порождает вполне закономерный вопрос: будет ли данный момент участия защитника в производстве о применении принудительных мер медицинского характера своевременным?

В этой связи правильной представляется позиция О. В. Левченко и Е. В. Мищенко, которые утверждают, что «момент участия защитника должен быть установлен при наличии сомнений в психической полноценности лица» [8, с. 93], поскольку оно нуждается в защите и до назначения судебно-психиатрической экспертизы, решение о производстве которой может быть им оспорено.

Еще одной гарантией обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является привлечение на основании постановления следователя или суда к участию в уголовном деле его законного

представителя и закрепление в законе прав последнего. Такая норма сформулирована в ст. 437 УПК РФ, но представляется нам недостаточно полной. Так, законодатель не детализирует, с какого момента законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, допускается к участию в уголовном деле и при наличии каких оснований может быть отстранен.

Думается, что законный представитель должен выступать в защиту прав и законных интересов лица, страдающего психическим расстройством и в силу своего физического состояния не могущего лично осуществлять свои права и выполнять свои обязанности с момента необходимости проведения первого допроса. Вместе с тем нельзя исключать и тот факт, что со стороны законного представителя возможны действия, наносящие ущерб интересам лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В таком случае необходимо немедленное реагирование следователя или суда с решением вопроса об его отстранении и вынесении соответствующего постановления.

Высказанные соображения настоятельно свидетельствуют о необходимости их закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.

Изложенное выше не исчерпывает круг проблемных вопросов законодательного регулирования прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, что в свою очередь открывает перед исследователями широчайшие возможности для дальнейших научных изысканий.

Список основных источников

1. Жарко, Н. В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Жарко. — Рязань, 2005. — 27 с. [Вернуться к статье](#)

2. Жарко, Н. В. Дискуссионные вопросы нормативного регулирования оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера / Н. В. Жарко, Л. В. Новикова // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. — № 4. — 2015. — С. 139. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : с изм. и доп. от 12.04.2019 г. — М. : Проспект, 2018. — 320 с. [Вернуться к статье](#)

4. Колмаков, П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. А. Колмаков. — СПб., 2000. — С. 41. [Вернуться к статье](#)

5. Михайлова, Т. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / Т. А. Михайлова. — М., 1987. — С. 32. [Вернуться к статье](#)

6. Галан, А. И. Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признанных невменяемыми / А. И. Галан. — Киев, 1966. — С. 36. [Вернуться к статье](#)

7. Михайлова, Т. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / Т. А. Михайлова. — М., 1987. — С. 43. [Вернуться к статье](#)

8. Левченко, О. В. Проблемы правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / О. В. Левченко // Вестн. Поволжской акад. гос. службы. — 2012. — № 3. — С. 93. [Вернуться к статье](#)